

Александр
ЩИПКОВ

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Александр Владимирович Щипков

Религиозное измерение журналистики

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12216082

Религиозное измерение журналистики: ПРОБЕЛ; Москва; 2014

ISBN 978-5-98604-436-1

Аннотация

Книга Александра Щипкова «Религиозное измерение журналистики» предназначена для студентов православных университетов и теологических факультетов светских вузов – для тех из них, кто интересуется актуальной историей религиозной журналистики в России и стремится быть в курсе актуальных религиозно-политических дискуссий. Это краткое описание эволюции современной религиозной журналистики в России как зеркала, отражающего процессы, которые происходят в массовом сознании, в коллективной мысли общества, пытающегося сегодня думать о Боге и политических процессах одновременно.

Содержание

Предисловие	5
Воспоминания	8
Пасха, снег и мост Лейтенанта Шмидта	8
Джохар и Александр. Столкновение цивилизаций	16
Мой август 1991 года	21
Патриарх и блокадный крематорий	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Щипков
Религиозное измерение
журналистики

*Памяти моей матери Татьяны Николаевны
Щипковой*

Предисловие

Книга Александра Владимировича Щипкова «Религиозное измерение журналистики» – это книга, решающая сразу несколько задач. Книга, как любят сейчас говорить, многофункциональная. С одной стороны, это учебное пособие, публицистический альманах для чтения, предназначенный в первую очередь для студентов православных университетов и теологических факультетов светских вузов – для тех из них, кто интересуется актуальной историей религиозной журналистики в России и просто стремится быть в курсе злободневных общественных дискуссий.

Но в то же время книга, которую вы сейчас держите в руках, – это своего рода краткая схематичная энциклопедия, фотографический снимок эволюции современного этапа религиозной журналистики в России. Журналистики как зеркала, отражающего процессы, которые происходят в массовом сознании, в коллективной мысли общества, пытающегося сегодня думать и говорить о Боге, вере и Церкви. Это учебное пособие побуждает читателя к размышлениям и полемике, но в спокойном, рассудительном, можно сказать, дружественном ключе. Поэтому жанр этого сборника может быть определён ещё и так: «книга для домашнего чтения» тех, кто стремится научиться глубоко мыслить.

С разрешения автора мы разделили книгу на три рубрики:

«Воспоминания», «Полемика» и «Религиозная журналистика». Так её удобнее читать и понимать.

В первой рубрике («Воспоминания») публикуются тексты, в которых описаны события, непосредственным участником которых был сам автор. Во второй («Полемика») собраны полемические статьи, затрагивающие современные актуальные религиозно-общественные темы. Сегодня эти споры выглядят несколько эмоциональными, но когда их будут читать спустя десятилетия, они, без сомнения, вызовут интерес у тех, кто будет заниматься историей русской религиозной журналистики. Третья рубрика («Религиозная журналистика») очень специфическая. В ней автор продолжает серию статей о религиозной журналистике, написанных им ещё в 90-е годы XX века и опубликованных в книге «Соборный двор» (2003 год). Они посвящены осмыслению журналистского ремесла. Нравственный кризис информационного пространства, формы полемики тех, кто относит себя к «православным либералам» и «православным консерваторам», понимание задач, стоящих перед православным журналистом, и прочее. В конце книги помещён большой и подробный рассказ о собственных приключениях автора в этом ремесле и о людях, с которыми ему посчастливилось встречаться.

Все статьи, вошедшие в сборник, отбирал сам Александр Владимирович. Данный выбор – это авторская композиция, авторский взгляд на то, какое именно сочетание публици-

стических текстов является наиболее подходящим для современного студента, обладающего минимальной религиозно-ведческой подготовкой. Признаюсь, лично я как преподаватель, постоянно наблюдающий за запросами и ожиданиями своих студентов и в то же время хорошо знакомый с творчеством А. В. Щипкова, предпочла бы несколько «перетасовать» вошедшие в сборник статьи – что-то отложить, а на их место включить иные тексты. Однако в конечном счете было решено не вмешиваться в авторский замысел. Каждая статья снабжена лишь моим кратким комментарием – как первой репликой в возможной беседе по поводу поднимаемой темы...

Когда работа над книгой была завершена, я попросила Александра Владимировича назвать лучшую, на авторский взгляд, статью. Он назвал три. Самая «программная» для него статья – это «Наша повестка дня». Самая печальная – «Джохар и Александр». А самая близкая для него – «Бедная женщина», в которой автор рассказывает о том, как его семья изготовила бронзовую мемориальную доску памяти матери – Татьяны Николаевны Щипковой. Ей Александр Щипков и посвятил эту порой спорную, но, безусловно, искреннюю «книгу для домашнего чтения».

Елена Жосул

Российский православный университет

Воспоминания

Пасха, снег и мост Лейтенанта Шмидта

Великим постом 2011 года настоятель тарусского собора во имя святых апостолов Петра и Павла протоиерей Леонид Гвоздев, снимая с моей головы епитрахиль, сказал: «Просьба у меня к Вам, Александр Владимирович. Хотел бы к Пасхе в приходской газете “Крестное знамение” собрать воспоминания верующих о том, как они праздновали первую в своей жизни Пасху. И Вас прошу».

* * *

Я купил билет – картонную шершавую карточку размером два на четыре сантиметра. Кассир вставил её в компостер и резким ударом стукнул по набалдашнику. Пробил дату. На просвет можно было увидеть цифры: 12 04 74. Это была Страстная Пятница, а я грузился на станции «Смоленск» в проходящий поезд «Мариуполь – Ленинград». Состав с буквами «СССР» на вагонах тронулся на север. Запах угля и дыма проникал во все щели окон общего вагона, при-

цепленного первым за паровозом, и напоминал запах лада-на. Я ехал на Пасху.

Утром в Ленинграде на Витебском вокзале меня встречал Володя. Он, как обычно, ждал меня в Световом зале у Ленина. Поехали на Красную улицу, возле площади Труда, где он снимал квартиру на первом этаже. Было пасмурно, ветрено и холодно. Переходя площадь, я посмотрел направо: мост Лейтенанта Шмидта горбом висел над Невой и исчезал в Васильевском острове.

Съёмная квартира на Красной улице находилась на первом этаже и представляла собой анфиладу из четырех помещений. Из прихожей гость попадал на кухню, сквозь неё – в одну комнату, затем в другую. Похоже, до революции квартира была дворницкой, но и сейчас, в 1974-м, она немногим отличалась от оной по своему скудному убранству.

В комнаты не пошли, расположились на кухне. Решили, что готовить ничего не будем – только чай с сушками. Володя говорил о Туринской плащанице. Я впервые слышал о ней и пытался понять чудо. Он показывал мне маленький негативный фотоснимок, размером с паспортную фотографию, на котором практически ничего нельзя было рассмотреть. Позже, год спустя, гениальный питерский фотограф Борис Смелов изготовил мне в подарок большую фотографию Плащаницы, которая до сих пор висит у нас дома.

Я завидовал своим ленинградским друзьям. У них были книги и общение. Они столько знали о Боге и Церк-

ви! Я же в Смоленске чувствовал себя одиноким, заброшенным и никому не интересным. Ходить в храм комсомольцу было небезопасно, но я не столько побаивался неприятностей, сколько избегал насмешек знакомых и ходил на раннюю службу, которая при епископе Феодосии (Прощюке) начиналась в шесть утра. В это время в Успенском соборе собиралось прихожан пять-шесть, и советский школьник мог безнаказанно раствориться в закоулках громадного собора. Хор из двух человек, усталый диакон с сильным украинским акцентом... Но как они пели! Ничего подобного я никогда больше не слышал. И какой у них был прекрасный ладан! Резко-прогорклый, угольный и воинственный. И как замечательно потрескивали и величественно сталактитами отекали стеариновые свечи! Одигитрия смотрела сверху из застеклённого киота.

Володя ушёл, оставив меня с книгами. Книг было много. Это были не совсем книги – машинописные листы, переплетённые в коричневые картонные обложки без надписей. С любопытством я перебирал эти самиздатские сокровища. Остановился на одной книжке – «Школа молитвы». Автор указан не был. Это был четвёртый полуслепой экземпляр закладки, я не разбирал многих слов, но оторваться не мог. Эта книга была написана для меня. Для меня одного. Написана кем-то близким и родным, ведь только близкий человек мог знать меня, любить и так точно понимать моё состояние между жизнью «без Бога» и жизнью с Ним. Я пришёл в Цер-

ковь три месяца назад.

Когда книга закончилась, я услышал шорох ключа в замочной скважине и шаги. В кухню вошли трое. Володя, Сергей – лаборант из университета – и парень необычного вида. Он отличался от нас чем-то существенным и глубоким. Его называли Саша-странник. Серые глаза, серые волосы, серая жёсткая борода. Не снимая крепко поношенного пальто, одетого на подрясник, он трижды опустил на колени перед маленькой иконой Спасителя, которая была вставлена в стеклянную дверцу буфета, встал, повернулся к нам, сказал: «Псковская братия велела кланяться вам». И опять, встав на колени, поклонился уже нам, точно выполняя наказ монахов.

Я ничего не знал ни о Псково-Печерской Лавре, ни о её насельниках и был поражён необычным для меня поведением «серого» гостя. У него были сухие скрюченные пальцы. Такие руки бывают у каменщиков. Он достал из кармана пальто две маленькие пачки грузинского чаю и положил их на стол. За чаем разговор шел о лавре, об отце Иоанне Крестьянке, о видениях и предсказаниях. Гость так и не снял пальто. Он часто крестился и рассказывал о том, как живёт теперь легко и свободно, порвав и выбросив партбилет и советский паспорт. «Не хочу ничего от антихристовой власти, – говорил он, – ни работы, ни жилья, ни пенсии!» Он жил где придётся, бродил по храмам и монастырям, выполняя какие-то работы за хлеб. Саша-странник ушёл, оставив

меня в раздумьях и некотором замешательстве.

В десять вечера мы начали собираться на службу. Намечено было ехать на Серафимовское кладбище. Пешком перешли Неву по мосту Лейтенанта Шмидта, прошли мимо Дома Академиков, сплошь увешанного мемориальными досками и прозванного за это Индийской гробницей, и по 6-й линии добрались до метро. От Петроградской до Серафимовского храма мы ехали на автобусе. Несмотря на поздний час, он был заполнен пассажирами. По строгим и немного таинственным лицам я понял, что все едут туда же, куда и мы. В автобусе было тихо.

Серафимовский кладбищенский храм был построен в начале XX века вскоре после прославления преподобного Серафима Саровского. Народу было видимо-невидимо. Храм был переполнен, в ограде тоже во множестве стояли верующие. Между ними бродили подвыпившие парни с недоумённо-торжественными лицами. Милиция лениво их отгоняла: «Ну, куда лезешь, куда? Ты ведь молодой, неверующий». Но всё равно пропускали, не строжились.

Я протиснулся в храм и стал пробираться поближе к солее, где происходила непонятная мне суeta. Кто-то пронёс стопку аккуратно сложенного красного облачения, кто-то вынимал хоругви из колец, привинченных к стене. Народ колыбался в храме. Было жарко от свечей, и лишь волны холодного воздуха иногда врываются в храм из притвора. Начался крестный ход. «Воскресение Твое, Христе Спасе, ан-

гели поют на небеси...».

У меня постоянно гасла свеча, казалось, что священник и хор ушли далеко вперёд, хотелось догнать их, но не получалось. Внезапно я оказался прямо у западного входа и вместе с духовенством пробкой влетел в храм. Всё закружилось с невероятной скоростью. Батюшка бегал по солею. Разворачиваясь, он раскручивал кадило солнцем на 360 градусов, искры рассыпались и потухали в воздухе. Он кричал народу о том, что Христос воскрес, и храм ревел ответно: «Воистину воскрес!».

Я тоже кричал от восторга, мне казалось, что нас миллионы, что мы никого не боимся, что мы победили...

Служба кончилась к четырём утра. Народ целовался и, расположившись на полу, прямо в храме начинал разговляться. Транспорт не ходил, и настоятель разрешил всем остаться в храме в ожидании первого автобуса. Мы же решили скинуться на такси и вернуться домой.

Желтая «Волга» неслась по Петроградской, проскочили мост Строителей, въехали на Васильевский остров. Скорее, скорее, – торопил сам себя водитель, но лапы моста Лейтенанта Шмидта уже поднимались в воздух. Начался второй развод мостов. Мы оказались запертыми на Васильевском как в ловушке. Таксист пожелал нам доброй ночи и уехал.

Мы с Володей и Сергеем стояли возле моста. Громадная вертикальная стена с четырьмя полосами трамвайных рельсов преграждала нам путь. И вот тут неожиданно пошёл снег. Густой и медленный, он покрывал набережную ровным сло-

ем сахара. У нас было полтора часа времени. «Пойдём в Индийскую гробницу», – предложил Сергей. Мы вошли в парадную, расположились на ступеньках возле старинного радиатора, пережившего и революцию, и блокаду, и достали варёные яйца и хлеб. Яйца были обыкновенные, некрашенные, хлеб заменял нам кулич. Мы ели нашу пасхальную трапезу и были счастливы в тепле гостеприимного Дома Академиков.

Неожиданно дверь в парадную отворилась, и в неё шумно вошли две заснеженные девицы. Они были обуты в сапоги на высоких каблуках и одеты в немыслимо короткие одинаковые красные плащи. Макияж и лексика соответствовали одежде. Девицы сразу взяли игривый тон с «мальчишками», закурили и начали интересоваться нашими планами и есть ли у нас деньги. Они поведали, что «задержались на работе», застряли на острове, что, впрочем, им на это наплевать, потому что холодно, мозгло и скучно «в этом гнилом городе и этой гнилой стране».

Сережа протянул им два яйца и очень тихо сказал: «Христос воскрес!»». Девицы смутились и покраснели. Одна робко ответила: «Воистину воскрес!»». Другая полезла в сумку и достала бутылку портвейна. Мы пили вино, стукались некрашеными яйцами, удивлялись снегу и негромко напевали пасхальный тропарь. Девчонки сидели на ступенях парадной Индийской гробницы, смущённо натягивая на колени короткие плащи, и расспрашивали нас о Богородице.

Нам всем было уютно и хотелось говорить о том таинственном и непонятном, что окружало нас в эту ночь...

Красная улица теперь называется Галерной. Мост называется Благовещенским. Город называется Санкт-Петербургом. Страна называется Россией. Христос воскрес!

Таруса

27 марта 2011 года

Неделя Крестопоклонная

Джохар и Александр. Столкновение цивилизаций

Мне довелось служить в Туркестанском военном округе. Это было ещё при советской власти в 1978-80 годах. Начинал в Ашхабаде, в элитной сержантской школе войск химической защиты. Когда обнаружилось, что я православный, перевели в артиллерийский кадрированный полк, а оттуда – в стройбат на строительство Тюямуюнской гидроэлектростанции в пустыне Кызылкум. Самая граница Туркмении и Узбекистана. Это был экспериментальный батальон из трёх рот. В одной роте служили туркмены, в другой – грузины, в третьей – осетины. Привозной воды не хватало. Анаши было в избытке. На ночь нас запирали снаружи на замок, чтобы обкуренные казармы не перерезали друг друга. Национальные конфликты были жесточайшие. Немногочисленных русских и случайного чеченца поместили в осетинскую роту. Очевидно, в штабе округа весьма хорошо разбирались в «национальном вопросе». Я провёл здесь несколько месяцев, но и отсюда меня перевели в другую воинскую часть.

Рядовой Джохар К. сидел рядом со мной на глинистом склоне берега Амударьи и с тоской поглядывал на запад. На западе – родная Чечня. Стояла зима 1979 года. Мы оба служили в пустыне, в сутках езды от Чарджоу и в двух – от Ташкента. Но первая в моей жизни встреча с мусульманами состоялась раньше, ещё в Ашхабаде.

Открытых православных отправляли проходить срочную воинскую службу в Среднюю Азию. Вроде бы повсюду в Союзе – атеизм, а, тем не менее, негласным указом христиан погружали в среду исламской культуры. В Москве ислама практически не было. Даже Гейдар Джемаль – ныне вождь и символ – в те годы исканий и томлений порой захаживал на христианские подпольные собрания.

В Ашхабад призывников привезли в в/ч химзащиты. Здесь нас ждали стрижка, баня и ритуал смыслового преобразования: вошел в баню «по гражданке» – вышел в «х/б-б/у» (форма хлопчатобумажная, бывшая в употреблении). Метанойя.

Я был молод и не понимал мистику ритуала, который требовал не мытья, а катанья. Сдуру действительно намылил голову. Тут-то, ослеплённого хозяйственным мылом, и потянули меня за цепочку креста крепкие туркменские руки.

Крестик – красивый «карловацкий», подарок духовника,

привезённый в СССР кем-то неведомым вместе с красочными иконками Ксении Петербургской из «самой Америки». Цепочка паяная – пока рвали, чуть шею не пропилили. Жалкие слепые попытки отстоять последнюю связь с прошлой жизнью завершились потерей зубов и краткой нотацией: «запомни, здесь тебе не Россия».

Позже я поумнел, окреп и в путешествиях по воинским частям Туркестанского военного округа встречал межрелигиозный конфликт с открытыми глазами. А другой крестик письмом мне прислал друг. Он получил его в Богоявленском соборе на всенощной из рук Патриарха Пимена. Алюминиевый, софринский. Я его носил на шнурке от солдатского ботинка.

Армия – не тюрьма. Люфт свободы намного больше. Выбор общения – шире. С Джохаром мы дружили и, попадая вместе в наряд, много говорили о Боге. Он уважал меня за православное упрямство, бесконечные конфликты с командованием в отстаивании права носить крест и помогал прятать Евангелие, за которым охотился замкомроты по политическому воспитанию. Я уважал его за то, что он не боялся смерти. Он был единственный чеченец в батальоне. Грузины его ненавидели. Пытались убить, но в жутких драках он выживал, выходя победителем. Выживал потому, что каждый раз был готов умереть, и это превосходство над смертью заставляло бежать его противников.

Джохар был сиротой. Его воспитала бабушка, и вера была

для него нормой. Естественной составляющей повседневной жизни. Порой казалось, что в вопросах веры нам не о чем спорить. Как часто бывает у молодых – поначалу находишь только общее. И приходили в восторг от совпадения религиозного опыта. До тех пор, покуда Джохар не задал мне прямой и самый важный вопрос. Он проповедовал страстно и убеждённо, пытаясь заставить меня полюбить его сокровенное. Мои «заблуждения» горячили его, раздражали.

Мы сидели на берегу Амударьи и глядели в глубокий котлован. Там копошились «химики» и солдаты. Они строили Тюямуюнскую ГЭС.

Как не предать «правило веры» и не порвать ткань человеческих отношений, уже связавшую двоих? И сегодня я не могу этого понять. Здесь, именно здесь и находится первопричина того, что называют «религиозным конфликтом». Душевная связь и связь в Боге – далеко не одно и то же. Я не стал лгать Джохару. Встали. Он подошел вплотную. Пуговица к пуговице. Звёздочка к звёздочке. Душевное рвалось. Мы слышали треск этой невидимой ткани. Его глаза были полны. Они были полны непонимания.

До самого моего назначения в Ташкент, на новое место службы, мы ни разу не посмотрели друг другу в глаза и не обмолвились ни словом. Накануне отправки он не зашёл и в каптёрку на отвальную. Я забросил на сиденье вещмешок с сухпайком на двое суток. Ветер перемешивал кызылкумский песок с сухим снегом, обмётывая как веником

плац. Начищенным сапогом я постукивал по заднему скату, затачивая погрузку. Мне хотелось видеть его. Заметил вдруг, что он стоит на крыльце казармы, безвольно опустив руки от одиночества. В одной белой нижней рубаше поверх зелёных галифе. Чуть заметным движением мы кивнули друг другу сквозь окна уазика, который разделял нас. Я уехал. Увозя Евангелие, которое помогал мне прятать Джохар.

Москва

Октябрь, 2012 год

Мой август 1991 года

Любые воспоминания, даже о грустных событиях, вызывают приятное чувство ностальгии. Прошлое обычно теплее настоящего. Однако воспоминания о путче 1991 года мне неприятны и вызывают странное чувство – смесь эйфории с обманом. Обычно я отказывался комментировать те события. Тут согласился. Этот текст был напечатан на сайте православного журнала «Нескучный сад». Я наскоро надиктовал его по телефону.

* * *

В 1991 году я жил в Ленинграде, но как раз накануне путча, 18 августа, приехал в Москву и в итоге все три дня, с 19-го по 21-е, провёл у Белого дома. А приехал я получить гонорар в «Независимой газете» и, главное, на съезд Российского христианско-демократического движения (РХДД), которое возглавлял Виктор Аксючиц.

В ту пору я собирал материал для своей будущей кандидатской диссертации о русской христианской демократии. Тот съезд – отдельная тема. Проходил он в Белом доме, в нём участвовало около восьмисот человек, было много ярких выступлений. В частности, выступал Борис Немцов – молодой, кучерявый, в то время «православный патриот» и член РХ-

ДД (думаю, мало кому известен этот эпизод из его биографии). Правозащитник Валерий Борщёв и священник Глеб Якунин в своих выступлениях заявили о выходе из РХДД, так как они были против готовящегося подписания Союзного договора, а Аксютин и большинство членов РХДД – за. Тогда этот договор обсуждался больше, чем любая другая тема.

Съезд проходил в Белом доме, заседание затянулось до позднего вечера. Часов около десяти я подошел с диктофоном к отцу Глебу Якунину, которого знал с начала семидесятых, и спросил, будет ли подписан договор. «Всё может перемениться, сейчас сюда приедет Борис Николаевич Ельцин, мы пойдём к нему, что-то должно измениться», – нервно ответил Якунин (он тогда входил в так называемый «ближний круг» Ельцина). Возможно, что-то он знал уже тогда. Кассета с этими его словами хранилась у меня в архиве, и в 2001 году, к 10-летию августовских событий, я прокрутил её в прямом эфире «Радио России», где тогда работал. Слова, сказанные Глебом накануне путча, прозвучали на всю страну. Прокомментировал я их не слишком жёстко, но недоумение выразил. За этот эфир начальство мне тогда чуть голову не оторвало. Но вернёмся в август 1991 года.

Действительно, вскоре приехал Ельцин, и Глеб с другими приближёнными пошли к нему, а я уехал ночевать к друзьям-журналистам на окраину Москвы. Проснулся очень рано от крика «Горбачёва убили!». Первая мысль, которая

пришла в голову мне, грешному, была: «Эх, опять назад в ко-
чегарку!». Не хотелось. Было около шести утра. Позвонил
домой Якунину, спросил, что происходит. «Бросай всё и ез-
жай в Белый дом. Я бегу туда», – ответил он.

Однако я его не послушал и поехал не в Белый дом,
а на Манежную площадь, которая тогда была ещё площадью,
а не магазином. Там увидел, как примерно 10–15 человек
останавливают троллейбусы, обрывают «рога» и стараются
сгруппировать эти троллейбусы на Манежной. Потом появ-
ляется ещё 5–6 человек, все вместе строят цепочку, перего-
раживая дорогу транспорту. Какие-то парни в штатском пы-
тались порвать цепочку, ударяя их по рукам, это не удалось,
цепочка какое-то время простояла, люди ходили, смотрели.
Это было не восстание, это был символ восстания.

Пробило восемь утра. Я немножко пофотографировал
и отправился пешком к Белому дому, где провёл три дня
и две ночи почти без сна. Отходил только фотоплёнку ку-
пить – снимал я там очень много. С удостоверением малень-
кой ленинградской газетки, в которой я тогда работал, я мог
пройти куда угодно – в то время любая журналистская ко-
рочка производила магическое действие. Точно могу ска-
зать, что баррикады, о которых всегда говорят, вспоминая
те дни, – почти миф. Это были не баррикады, а образы бар-
рикад. Приносили люди всякую мелочь (кастрюльку, кирпи-
чик, палочку), выкладывали в один ряд или просто чертили
условную линию – вот и вся баррикада. Символическая!

Несколько раз я заходил в Белый дом, видел там будущих известных журналистов, потом возвращался на «баррикады». Меня никто не останавливал. Через какое-то время двери Белого дома закрыли и перестали пускать вовнутрь. Все три дня я много общался с людьми, в том числе солдатами (когда приехали танки), днём также фотографировал.

Женщины приносили еду. Мужчины ели с усталым видом солдат бординского поля. Им хотелось сражений. С одной стороны, я ощущал, что в стране происходят какие-то тектонические сдвиги, и в то же время казалось, что всё это – и путч, и противостояние ему – как бы понарошку, картинно. Внутренне я не был ни на той, ни на другой стороне, скорее, ощущал себя наблюдателем. Даже не журналистом, поскольку никогда ничего о тех событиях так и не написал (и тогда не собирался писать), а просто фиксировал происходящее для самого себя.

Конечно, совсем равнодушным там оставаться не мог никто: всё время большое скопление народу, много молодёжи, много пьяных, потом гибель этих несчастных мальчишек. Когда я попал на место гибели первого, его уже увезли в морг, но кровь на асфальте оставалась. Я хорошо помню первые трупы Афганистана в декабре 1979-го. Кровь либо парализует волю, либо очень возбуждает. Здесь, в августе 91-го, кровь возбуждала толпу. Это всеобщее возбуждение захватывало, кружило голову и мутило, но мне не хотелось принимать участия в том, что происходило.

Потом ещё целый год я находился в состоянии оцепенения и пристального наблюдения: ходил в Петербурге на все митинги, фотографировал, ночами проявлял плёнки, печатал снимки, рассматривал лица на них в свете красного фонаря и пытался понять, что происходит с ними и со мной. Но участвовать в добивании поверженного гиганта не хотелось. Охотничий азарт вызывал чувство брезгливости. До сих пор с содроганием и омерзением вспоминаю надпись на одном из домов на Садовом кольце – «забил я туго тушку Пуго».

Я не любил советскую власть, многие мои близкие пострадали от неё. Мама в тюрьме отсидела, меня и жену из института выгнали, и я до перестройки даже не надеялся, что когда-то смогу легально заняться интересным интеллектуальным делом (казалось, что власть эта на века). Но 21 августа 1991 года я не испытывал ни эйфории от победы, ни чувства мести, ни желания «брать власть». Чувствовал только невероятную внутреннюю усталость.

Я не был аполитичен и даже ходил на выборы, но ту политическую жизнь делали чужие мне люди. Из моего круга в депутаты тогда пошли единицы. Я всегда разделял понятия «режим» и «Родина». Чувство освобождения появилось у меня раньше, году в 1988-м, после 1000-летия Крещения Руси. А после августа 1991 было ощущение, что терзают мою Родину. По ней – больной, обворованной, опозоренной – ходил многоголовый Ардальон Передонов. И сей-

час, спустя двадцать лет, я чувствую, что живу в эпоху передоновых, в эпоху антигероев.

Конечно, я был очень рад, что всего через несколько дней мой город опять стал Санкт-Петербургом. А ведь всего за полтора месяца до этого, в июле 1991 года, я подошел к председателю Ленсовета Собчаку и спросил: «Анатолий Александрович, когда Ленинграду вернут его название?». Он посмотрел мне прямо в глаза и жёстко отрубил: «Ни-ко-гда!». В Ленсовете он сидел под красным знаменем и бюстом Ленина, а когда кто-то из бесшабашных мальчишек пробирался на балкон Мариинского дворца и растягивал там российский триколор, его били, вязали и уносили. Ещё в июле 1991 года. Поэтому когда говорят, что именно Собчак вернул Петербургу историческое имя, это неправда. Не он вернул, а при нём вернули. До августовских событий 1991 года он был категорически против этого.

Разочарования в тех событиях у меня нет по той простой причине, что я в них не участвовал. О развале страны жалею, но в этом сами коммунисты виноваты. Слишком «далеки были они от народа», чтобы её сохранить. Поэтому после августа 1991 года всё произошло с катастрофической быстротой. 70 лет коммунисты вытирали ноги об народ и его веру, в результате желание спасти или помочь у людей притупилось. Только единицы тогда понимали, что речь идёт об уничтожении не «империи зла», а России. Но разговоры типа «если бы я знал, чем кончится, защищал бы советскую

власть», бессмысленны. Не хотел тогда народ защищать советскую власть. Не хотел. В августе 1991 года на наших глазах советская безбожная власть рушилась, тянув в пропасть за собой всю Россию.

Москва

Август, 2011 год

Патриарх и блокадный крематорий

По личному поручению Председателя Совета Федерации Сергея Миронова мне пришлось в течение трёх лет ездить из Москвы в Петербург по два-три раза в месяц и плотно заниматься проблемой строительства (точнее, получения разрешения на строительство) храма на месте Блокадного крематория в Московском парке Победы. Пришлось преодолевать беспрецедентное, почти мистическое сопротивление. Блокадники боролись за этот храм 15 лет. Сергей Миронов – последние три года. Неоценимую помощь оказал Патриарх Кирилл. Подробности раскрывать не могу, скажу лишь, что это было непросто.

Вечером 7 апреля 2009 года, на Благовещение, зазвонил мой мобильный телефон. Святейший сказал мне: «Вчера, в присутствии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира и секретаря епархиального управления протоиерея Сергея Куксевича, я беседовал с губернатором. Валентина Ивановна согласилась на строительство».

Моя мама, осиротевшая в блокаду, находилась рядом. Она заплакала. Храм построили за десять месяцев. Жаль, что мама не дожила.

Сегодня, в годовщину прорыва блокады Ленинграда, помолимся о тех людях, которые жили в Ленинграде, освободили его и терпели ужасы войны. Всё меньше остаётся в живых свидетелей этих событий, всё острее встаёт вопрос о достойном увековечивании памяти погибших.

Для христианина лучшая память о прошлом – это молитва. Самое удивительное, что до 7 мая 2010 года не было в Петербурге особого храма, куда можно было прийти и помануть погибших во время страшной блокады.

Московский парк Победы – это парк, разбитый в Ленинграде на Московском проспекте (отсюда название парка), на месте крематория, в котором было сожжено около 800 000 жертв блокады. Пепел сожжённых ссыпался вокруг крематория. После войны здесь находился заброшенный пустырь. До конца сороковых годов прошлого столетия сюда приходили родственники погибших. Никого не спрашивая, сажали кусты, деревья и привязывали на ветки бирки с именами тех людей, которые были сожжены в печах блокадного крематория. Деревья прорастали в пепел, зеленели и поднимались ввысь, утешая рыдающих. Послевоенный Московский райком партии был завален письмами – ленинградцы умоляли построить на этом месте часовню.

Рядом рос новый жилой район. Часовню коммунисты по-

строить не разрешили, но застраивать пустырь не решились. Побоялись народного гнева. Перешагнули и потянули стройку дальше в сторону Пулковских высот. А здесь заложили парк и назвали его Парком Победы.

Шли десятилетия. Здание крематория снесли; на месте проходной, куда ежедневно привозили сотни окоченевших трупов, сегодня стоит станция метро. Проходная метрополитена. Мы погружаемся в землю, пропитанную человеческим пеплом. Страшное место и величественное. Тени погибших, пепел под ногами прохожих. Московский парк Победы – это огромный антиминс. Здесь необходимо было построить храм! Здесь необходимо было служить литургию!

Борьба за храм длилась целых 15 лет. Ни Собчак, ни Яковлев, ни Матвиенко (губернаторы того периода) не давали добро. Блокадники знали – здесь хотят построить гигантский торговый центр. Когда-нибудь об этой пятнадцатилетней борьбе напишут книгу. О том, как стихийно был поставлен первый поклонный крест. Как его сожгли торговцы шаурмой, захватившие в 90-е это место. Как блокадники обивали пороги Смольного и унижались перед чиновниками, умоляя их разрешить построить храм. Как каждое воскресенье в течение 15 (!) лет тут служились панихиды. Как в 2008 году в борьбу за православных включился Сергей Миронов. Как он произнес фразу, ставшую в Петербурге знаменитой: «Если народ сказал, что здесь будет стоять храм, значит, храм здесь стоять будет!». Как после этого Валентина Мат-

виенко в пику своему политическому оппоненту выставила Парк Победы на продажу, заявив, что у города нет денег на его содержание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.